

Чтобы помнили: Дню окончания Ленинградской битвы посвящается...

В День окончания Ленинградской битвы...

Про Великую Отечественную войну сказано и написано довольно много. Но каждый раз, читая страшные строки о войне или слушая живые воспоминания очевидцев, открываешь для себя все новые факты.

Взять хотя бы оборону блокадного Ленинграда. Это уникальное событие, не имеющее аналогов в мировой истории. Ведь ни один город мира, а тем более город с более чем 3-х миллионным населением, не выдерживал столь длительной осады – 872 дня страданий, лишений, ужаса и потерь. До сих пор неизвестно точное количество погибших (в условиях военного времени это было сделать крайне тяжело):

называется цифра от 800 тысяч до 1 миллиона человек. Ни один город мира не терял столько своих мирных жителей. Кроме того, более 980 тысяч солдат и офицеров погибли в битве за Ленинград. Страшной ценой – около двух миллионов человеческих жизней, было завоевано право на жизнь одному из красивейших городов мира – Ленинграду – Санкт-Петербургу. Городу, которого, по плану Гитлера, не должно было быть на карте.

В те трудные годы тяжелейшие испытания выпали на долю ленинградских пожарных, основной задачей которых стало спасение города от огня. Лишь за первый день блокады – 8 сентября 1941 года – на Ленинград было сброшено более 6000 зажигательных и фугасных бомб. Одновременно вспыхнуло 178 пожаров. Город стал похож на огненный ад, и пожарным пришлось пройти через это пекло. Что пережили эти люди в тот день и потом, на протяжении всей блокады, осталось в их дневниках.

В основу этой статьи легли подлинные воспоминания бойцов и офицеров пожарной охраны, спасших город от огня. На обветшалых от времени страницах руками разных людей была написана история одного из самых страшных времен России и мира – блокады Ленинграда. Объединила этих людей война и огненное братство...

«В ту ночь я дежурила. В 4 часа утра по аппарату Морзе с ЦППС передали, чтобы начальники частей вскрыли ящик и вызвали в часть всех резервных, находящихся дома, пожарных. Нас задержали, сказали, что в 12 часов дня будет передано важное сообщение. В полдень мы все узнали, что началась война... День был жаркий солнечный (воскресенье). По Невскому проспекту шли колонны мужчин с оркестрами. На улицах из громкоговорителей всюду слышна была маршевая музыка. У скверика Казанского собора, где росли цветы, рыли траншеи».

«22 июня 1941 года нас 18-летних сделало сразу взрослыми людьми, позади остались беззаботные светлые дни юности. Мы встали на защиту своей Родины, как все советские люди. И мы стали бойцами-пожарными».

С самого начала войны пожарная охрана города была военизирована и сведена в отряды соответственно административному делению города, и стала одной из служб местной противовоздушной обороны. В помощь пожарным был создан Комсомольский противопожарный полк. Многие бойцы принимали участие в строительстве оборонительных сооружений на подступах и в самом городе. Масштабные действия проводились и по профилактике пожаров. Силами населения и бойцов МПВО чердаки домов покрывали противопожарной обмазкой, разбирали деревянные заборы и строения. Жителей учили тушить «зажигалки». В жилых домах и на предприятиях были созданы несколько тысяч пожарных звеньев. Город готовился к войне...

Вот о чем спустя годы вспоминал боец одной из пожарных частей Ленинграда: «Был теплый августовский день. Солнце, сиявшее на Ленинградском небе, склонялось на западе. Тревога! Горит здание архива на площади Декабристов – Сенат и Синод. И вот первые разрывы снарядов при нашем прибытии. Это было непостижимо. В сознании не укладывалось, что это действительность, что это первые страшные явления войны. Светит солнце, в саду благоухают розы, флоксы, гортензии, вековые деревья покрыты еще не тронутой осенью зеленой листвой, поют птицы свои песни, а с неба, такого чистого, голубого, с воем и визгом сыплются снаряды, несущие смерть и разрушения, огонь, обвалы, гибель людей и всего живого. Кругом бессмертные творения величайших зодчих, ученых, скульпторов, мыслителей. Здесь Медный всадник Фальконе, там – Исаакиевский собор, там – Адмиралтейство со своей, воспетой поэтами, адмиралтейской иглой... Все это не укладывалось в сознании, все мое существо внутренне протестовало против этого бессмыслия и варварства... Хотелось кричать и кричать до хрипоты, иступления проклятия тем, кто несет это сумасшествие...

За период войны я участвовал в тушении нескольких сот пожаров, но этот пожар, небольшой по размерам, остался в моей памяти на всю жизнь».

8 сентября 1941 года немцы взяли Шлиссельбург, и Ленинград оказался в блокадном кольце... Первая военная зима – 1941-1942 годов стала для ленинградских пожарных настоящим испытанием на прочность. Как выяснится позже, она оказалась одной из самых холодных в XX веке.

«Наступило время, когда на Ленинград надвинулся еще один союзник фашистов – холод. 14 октября в 11 часов утра первые хлопья снега коснулись земли. Температура резко упала, стало очень холодно. К 31 октября 1941 года снежный покров достигал уже 10 сантиметров. В этом году было одно из самых ранних наступлений зимы в истории нашего города. Первый снег – всегда праздник в Ленинграде. Это Северная столица – город, где искрами сверкают снег и лед, где царствует мороз. В этом же году первый снег вместо радости вызывал страшные мысли».

По воспоминаниям Б.И. Кончаева, заместителя начальника УПО Ленинграда: «15 января загорелся магазин Гостиного двора. Уже семнадцать магазинов горело, а воды все нет. Канал Грибоедова промерз почти до дна, а из гидранта на Невском еле капало»...

А совсем скоро к холоду, сковавшему Ленинград, прибавился еще один страшный союзник фашистов – голод.

«В октябре начался голод. Люди гибли от бомб и снарядов. А в ноябре стали сами умирать – и не только от голода. От множества болезней тихо угасали старики, молодые умирали от скоротечной чахотки и от гриппа. Смертельной стала язва, ведь половина пищи была несъедобной. Люди отдирали от стен обои, соскабливали клейстер – предполагалось, что он из картофельной муки. Некоторые съедали бумагу, думая, что и это, может быть, какое-то питание, ведь она из дерева. Потом стали жевать штукатурку – лишь бы наполнить желудок...»

«С едой в Ленинграде очень плохо, - писал в своем дневнике заместитель начальника УПО С.Г. Голубев. Люди стали страшно худы. Я не был в бане месяца три – негде мыться. И вот представилась возможность: нам разрешили помыться в водолечебнице городского управления милиции. Что я там увидел, было неопишимо. Под душами стояли живые тупы. От мертвых они отличались только тем, что стояли и еще двигались. Фигуры их были ужасны. На очень тонких шеях торчали черепа, обтянутые желтоватой кожей с остекленевшими глазами, которые выражали лишь смертельную усталость и обреченность. Раздевшись, я направился в душевую. Идти пришлось мимо зеркала. Когда я увидел собственную фигуру, то остолбенел. Из зеркала смотрел на меня урод, слабо похожий на меня. У меня заструились слезы»...

Вражеские бомбардировки не прекращались. Пожаров становилось все больше, а сил бороться с ними оставалось все меньше. Основной проблемой для пожарной охраны блокадного Ленинграда стала нехватка людей.

Письмо Бориса Гаслера, бойца пожарной охраны, обращенное к Б. И. Кончаеву, в полной мере дает представление о всех ужасах голодной блокады Ленинграда. «В пожарной охране я работаю около 14 лет. Здесь я прошел службу от рядового бойца, полюбил наше общее дело и мечтал отдать ему всю жизнь до последнего вздоха, честно работая, и не щадя ни сил, ни жизни, ни знаний для борьбы с огненной стихией. Случилась война... Я хотел отдать умение и опыт, а, быть может, и жизнь борьбе против последствий нападения проклятых фашистских варваров, но силы стали слабеть и таять. Не щадя их остатков, я вконец их истратил, и совершенно обессилен, слег. Тают остатки сил, и положение с каждым днем становится все безнадежнее.

Сейчас передо мной встала задача: или беспокоить Вас просьбой о возможной помощи и надеяться на нее, или продолжать лежать и безропотно ждать единственного и неизбежного конца. Прошу не рассматривать это как малодушие, трусость или что-то подобное. Я был бы счастливым человеком, если бы мог снова вернуться в наши ряды и участвовать на фронте или в

тылу в общем деле, рука об руку отстаивая с другими независимость нашей дорогой и любимой Родины. Хочется верить и надеяться, что за счет огромных возможностей и ресурсов пожарной охраны города Ленина, при Вашем живом участии и сочувствии, из тех крох в виде нескольких граммов я смог бы вернуться для активной и плодотворной работы на благо трудящихся. Иначе, один единственный и очень скорый конец – медленное, бесполезное угасание и бесполезная смерть.

Тяжелее всего сознавать то, что несколько дней назад скончалась моя мать, и я не имею возможности даже отдать ей последний долг. Два же моих брата с оружием в руках отстаивают честь и независимость нашей дорогой Родины. Как бы хотелось быть сильным и бодрым, вместе со всеми бороться против фашизма. Собственное бессилие безумно угнетает.

В настоящее время я лежу с опухшими ногами и кистью левой руки. Говорят, что когда отек дойдет до сердца, все кончится. А ведь мне только 38 лет, и я бы 15-20 лет еще мог пожить, принести посильную помощь нашей Родине. Да ведь и жить хочется, безумно хочется жить тогда, когда видишь, как с каждым днем жизнь становилась прекраснее. Ну, а когда суждено умирать, то хочется ее отдать не бесцельно как сейчас (лежа в постели), а на своем боевом посту. Так я всегда и мечтал. Вышло же по-другому...» Автор этих строк умер от голода в январе 1942 года спустя несколько дней после их написания.

В ноябре-декабре 1941 года от голода и дистрофии умерло более трехсот пожарных. Многие бойцы, придя на службу, оставались в казармах, обессиленные, не способные подняться с коек и топчанов на вызовы.

«А как голодные мы работали... Чтобы встать с постели на ноги приходилось делать большие усилия. Оттолкнешься от кровати, а тебя опять роняет на кровать. Это несколько раз, а потом потихоньку начинаешь переступать, расходишься, как будто, так и нужно, и бродишь целый день»...

К 14 января 1942 года из 430 отделений боевых расчетов в городе действовало лишь 180 – ослабленных и недоукомплектованных личным составом. И им удалось невозможное. Оставшиеся в строю огнеборцы под непрерывными бомбежками, голодные, замерзшие, вели упорную борьбу с огнем.

«Очень много эпизодов уже покрылось туманом, или забылись совсем. Но отдельные случаи остались в памяти на всю жизнь. Вот эпизод, казалось, что в условиях блокадного Ленинграда, и не представлявший ничего особенного, а его забыть не могу. Горел жилой дом на улице Жуковского. Это был типичный, бытовой, запущенный пожар. Когда мы прибыли, то огонь уже распространился по всем этажам. Производя разведку, я обнаружил, что часть квартир, еще не охваченных огнем, были либо пустые, либо с больными, а то и мертвыми людьми. И тут ко мне обратилась женщина интеллигентного вида, и стала буквально умолять: «Товарищ начальник, пожалуйста, спасите мой белый рояль». Вторым подбежал пожилой мужчина и тоже стал умолять спасти его коллекцию граммофонных пластинок. Я приказал организовать эвакуацию больных и мертвых людей из еще уцелевших квартир. Но тут ко мне подошла седая

изможденная женщина и обратилась с просьбой, которая меня потрясла. Я даже сейчас, когда прошло столько лет, не могу забыть ее слова и взгляд, полные невероятной муки и страдания: «Товарищ начальник, в квартире лежит мой муж. Он мертвый, не надо его выносить, не тратьте силы, их у вас и так не много. Пусть его родной дом будет для него крематорием»... Часть дома нам все же удалось спасти, но упомянутые квартиры были уничтожены».

В дни блокады Ленинград страдал не только от пожаров, и огнеборцы, в меру своих сил и возможностей, помогали осажденному городу выжить. Среди прочих работ они принимали активное участие в прокладке легендарной Дороги жизни. И поэтому в каждом ломтике блокадного хлеба была крупица труда пожарных.

«Несмотря на то, что живу я в настоящее время хорошо, ни одной крошки священного хлеба я не выбрасываю в мусор. Нет, душа не позволяет этого делать. Я уверен, что ни один человек, который пережил голод в блокаду, не бросит ни одной корки хлеба в мусор. «Хлеб дороже изумруда, хлеб дороже золота, век блокаду не забуду, не забуду голода!», - так записал я в свой дневник 27 января 1944 года».

27 января 1944 года Ленинград был освобожден от фашистской блокады. В восемь часов вечера в городе, на улицах которого еще пять дней назад рвались снаряды, прогремело 24 залпа из 324 орудий, возвестивших всему миру о победе под Ленинградом.

«27 января 1944 года многие из нас, свободные от дежурства, отправились в город смотреть праздничный салют в ознаменование полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Люди обнимались, целовались, плакали, плясали, пели».

По всем законам войны – Ленинград не должен был выжить. Фашистские ученые высчитывали дни, когда от голода умрет последний житель Ленинграда. Но им не приходило в голову, что ленинградцы выживут и в конечном итоге станут победителями в этой страшной битве. Когда уже совсем не оставалось сил, оставалась вера – вера в Победу, и осознание того, что каждый, казалось бы, самым незначительным своим трудом, приближает эту Победу. Сплотившись против единого врага, люди опровергали все мыслимые пределы возможностей человеческого организма. Все силы были отданы одной цели – победить. Несмотря на все страдания и лишения, люди свято верили в Победу.

«Моим начальником караула был чудесный душевный человек Стукалкин Павел Николаевич, работающий в пожарной охране так давно, что называли его старожилом. 22 июня 1941 года, когда началась война, он отложил из пачки папирос одну и заявил, что скурит ее в день победы. Это знали все, и когда было трудно с куревом, часто просили его показать папиросу, приготовленную для победы. Действительно, только в день 9 мая 1945 года, когда праздновали победу, он торжественно при всех скурил эту папиросу».

«Поймут ли наши дети и правнуки, что мы переживали в дни ленинградской блокады? Может ли обыкновенный человек понять, что такое

осада города с трехмиллионным населением, города являвшегося в течение двухсот с лишним лет столицей великого государства?».

«Можно смело сказать, мужество и героизм бойцов и офицеров пожарной охраны дало возможность справиться с пожарами, образовавшимися от артобстрелов, авиабомб противника. И нынешнее поколение бойцов и офицеров должно воспитываться по лучшим традициям ветеранов пожарной охраны».

«Я и сейчас живу под впечатлением памяти скорби и духа боевитости наших коллег того времени. Все плечом к плечу мы отстаивали от пожаров наш знаменитый город-музей, город революционной и боевой славы от уничтожения. В итоге, и теперь люди мира любят историю создания, культурой, архитектурой и отвагой нашего города. Во всем этом заложен и наш труд – работников пожарной охраны города Ленина».

Людам, пережившим все ужасы войны, не забыть то страшное время никогда. Но очень важно, чтобы и следующие поколения знали и помнили об этом. Помнили и чтители подвиг дедов и прадедов. Знали и никогда впредь не допускали подобных трагедий.

Управление по Приморскому району ГУ МЧС РОССИИ по СПб.